

УДК 82.161.1-1

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОЭЗИИ С. А. КЛЫЧКОВА**В. А. Редькин**

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Художественный мир С. А. Клычкова рассматривается с точки зрения взаимодействия реалистического и романтического типов творчества в аксиологическом, онтологическом и социокультурном аспектах; показано влияние фольклора на поэзию Клычкова. Доминантой художественного мира поэта признается национальное начало, выявляется его связь с православной аксиологией.

Ключевые слова: *С. А. Клычков, русская поэзия XX века, традиция, национальный характер, аксиология, мифотворчество, православие.*

Феномен новокрестьянской поэзии С. А. Есенина, Н. А. Клюева, П. И. Карпова, А. Ширяевца, П. В. Орешина, С. А. Клычкова, А. А. Ганина, П. Н. Васильева и других, чье творчество оказало особое влияние на тверскую поэзию 1920-х годов, заслуживает особого внимания. Это была одна из переходных эпох в истории отечественной культуры, когда, по словам С. Ю. Николаевой, «возникали ситуации раскола, кризиса, отказа от наследия прошлых эпох», когда «возникал соблазн опереться на новую идеологию и создать новую <...> культуру. Однако наиболее одаренные и дальновидные художники слова отстаивали единство русской литературы, стремились сохранить верность традициям» [3, с. 127]. Творчество Сергея Клычкова, как и других поэтов почвенной ориентации, «имеет глубочайшие ассоциативно-метафорические связи со Священным Писанием, славянскими мифами, русским фольклором, древнерусской и лубочной литературой» [5, с. 68]. При этом возникает вопрос, к какому типу творчества следует отнести их поэзию, что являлось доминантой – воссоздающее, реалистическое начало или пересоздающее, романтизм. С одной стороны, им свойственна конкретность образа, яркая и точная бытовая деталь, глубина изображения полнокровного национального характера, подлинно народный язык, а с другой – неприятие социальной действительности в дореволюционное и советское время, противопоставление лирического героя окружающему миру, повышенная роль субъективного начала, идеализация прошлого крестьянской Руси, уход в мир сказки, легенды, мифа, фантазии, чувство одиночества и неприкаянности. По словам С. Ю. Николаевой, «романтическое искусство предвдвряет историю реализма в русской литературе, служит в ряде случаев первоосновой его развития» [2, с. 67].

Ярким примером своеобразного симбиоза реализма и романтизма с ориентацией на национальные корни, одержимостью русской идеей, широким использованием литературных реанимаций и элементов фольклорной образной системы, обращением к духовным основам народной аксиологии и аксиологии православия является творчество нашего земляка Сергея Клычкова.

Его талант высоко оценивали О. Э. Мандельштам, А. А. Ахматова, И. Бунин. Николай Клюев называл Клычкова «дорогим братом», «милым и любимым».

Сергей Есенин посвятил ему знаменитое стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...», а Павел Васильев запечатлел его образ в своих стихах.

Как и другие крестьянские поэты, Клычков готов был поддержать революционные преобразования в интересах народа, но он не вписался в революционную эпоху насилия, политического диктата, раскрестьянивания и богоборчества. Бескими, авербахами и другими ультралевыми рапповскими и напостовскими критиками, по сути, троцкистского толка он был заклеен как реакционер, консерватор, и трагическая участь его, как и других новокрестьянских поэтов, была предопределена.

Сергей Антонович Клычков родился, по одной версии, 6 июля, по другой – 12 или 13 июля (по новому стилю) 1889 года в деревне Дубровки Калязинского уезда Тверской губернии (ныне Талдомского района Московской области) в старообрядческой семье кустика-башмачника. Мать тоже занималась башмачным делом, заготовкой и продажей. Патриархальная крестьянская семья была многодетной, но из тринадцати детей вырастить удалось только пятерых. Отец Антон Никитич был настоящим хозяином, работающим и предприимчивым. Именно такие люди были фундаментом российской государственности. Он получил от общины тридцать пять соток земли у болота, построил большой дом из кирпича, украсил его внутри арками и изразцовой печью, посадил фруктовый сад, завел крепкое хозяйство с овцами, поросятами, коровами, лошадьми, курами, организовал башмачную артель из тридцати рабочих.

Истоки своего творческого воображения и подлинно народного образного языка поэт связывал с одаренностью родителей, бабки Авдотьи, носительницы народных поверий и легенд, а также с крестьянским бытом и окружающей природой. Символично, что Клычков родился в лесу, в малиннике. С детства он ощущал органичную связь с природным миром. По воспоминаниям современников, его понимали животные, не кусали пчелы, тайные природные силы приходили ему на помощь в трудных случаях. В соответствии с этим поэт мифологизирует образ лирического героя: «В очах – далекие края, / В руках моих – березка, / Садятся птицы на меня, / И зверь мне брат и тезка...» [1, с. 70]. Дикий лесной мир – одно из самых дорогих воспоминаний детства: «Помню, помню лес дремучий. / Под босой ногою мхи, / У крыльца ручей гремучий / В ветках дремлющей ольхи» [Там же, с. 62].

Образы природы средней полосы России с её флорой и фауной органично включаются в поэтический мир С. Клыčkова. Берёза и ольха, ель и сосна, синица и грач, журавль и дятел «красногрудый», медведь «с хребтом багровым» и заяц, лось и бурундук символизируют национальное пространство. Образы природы проникновенны и поэтичны, она одухотворяется с помощью олицетворений и персонификации: «А роса в лесу – как слезы / На серебряных ресницах» » [Там же, с. 63].

Особой выразительностью отличалась и внешность Клыčkова, которая соответствовала образу романтического героя, – стройный, высокий, с выразительными чертами лица и магнетическим взглядом, он производил неотразимое впечатление на женщин. А. Ахматова говорила о нем как о человеке «ослепительной красоты». Явно влюблена была в молодого Клыčkова Марина Цветаева, и только случай помешал развитию их личных отношений.

После талдомской земской школы Клычков поступает в московское реальное училище И.И. Фидлера, где учится до 1906 года. Как увлечение романтикой революции следует воспринимать участие Клыčkова в московском восстании 1905 года в составе боевой дружины, действовавшей на Арбате под руководством Сергея Коненкова.

Стихи Клычков начал писать еще в детстве. Уже в то время он пересоздает реальный мир в соответствии с народными поверьями, где лешие и домовые воспринимаются как неотъемлемая часть окружающего мира. Не случайно на уроке естественной истории во время объяснения учителем классификации животных он спросил, к какому классу животных относится леший. Революционно-романтический характер носят первые публикации поэта в журнале Московского университета «На распутье» стихотворений «Мужик поднялся», «Гимн свободе» и др.

В 1907 году Клычков публикуется в альманахах «Сполохи», «Белый камень», «Вестник общества “Самообразование”». В 1908 г. при финансовой поддержке М.И. Чайковского (брата композитора), которого тронула романтическая история неразделенной любви поэта к Евгении Лобовой, красавице-гимназистке, Клычков посещает Италию, где на Капри знакомится с М. Горьким и А. Луначарским. Осенью того же года Клычков поступает на историко-филологический факультет Московского университета, но из-за материальных трудностей получить систематическое образование ему так и не удалось. В это время поэт расширяет круг общения в творческой среде. У него складываются теплые отношения с Сергеем Соловьевым, он посещает кружок Эллиса. В 1911 году при содействии Модеста Чайковского Сергей Клычков издает свой первый поэтический сборник «Песни» в символистском издательстве «Альциона». В 1913 году вышел второй сборник, «Потаенный сад».

Дореволюционная лирика Сергея Клычкова воспринималась современниками как явление символизма. По словам исследователя, «его “душой опустошенный” лирический герой горел отраженным светом; его Лада напоминала образы поэзии символистов, воплотившие соловьевскую идею Вечной Женственности, она была нематериальна и космична; поэтическое слово наполнено иным, тайным смыслом» [6, с. 22].

В основе образа Клычкова лежало не символистское, а традиционно-мифологическое начало, воспринятое из неисчерпаемых источников национальной культуры. Для него характерна опозитивированная, но все же бытовая деталь: «На певучем коромысле / Не носить с ручья воды...» [1, с. 60].

Черты романтизма стихам Клычкова этого времени придают некоторые элементы его мировосприятия. Его лирический герой испытывает чувство одиночества: «Я одинок как прежде / С надеждою земною...» [Там же, с. 61]. «Я один как в сказке рос» [Там же, с. 63]. Чаще всего это тихий грустный иннок, который ходит «подпираясь подождом» [Там же, с. 64], или Лель, который таит и лелеет свою печаль, пасет стада овец «в тумане раннем у реки», играет на гусях и рожке, трубит в коровий рог («Не услышать другу гуслей...» [Там же, с. 60], «Заиграю ль в гусли под окном у ивы...» [Там же, с. 66]). Образы поэта, певца и пастуха сопрягаются: «И я пастух, и я певец / И все гляжу из-под руки: / И песни – как стада овец / В тумане раннем у реки...» [Там же, с. 59].

Возникают яркие мифические и сказочные образы мудрого старца, который кладет поклоны, оберегая крестьянский мир: «По лесным полянам / В круг родной деревни / За густым туманом / Ходит старец древний» [Там же, с. 62], «В золотых лучах полумесяца / Старец проходит чашами», «Вышел в поле старец с кошелками, / Светлый, верно, от инея» [Там же, с. 65], «Гуляет перед бором / Чудный странничек в кустах» [Там же, с. 73]. Это дед, который весною тихо приходит откуда-то из пустыни и, опираясь на посошок, разбрасывает семена: «Вышел дед из-за лесов: / Отряхнул с седых усов / На прорвавшийся ручей / Стаю первую

грачей...» [Там же, с. 84]. Это сказочные «седые богатыри», леший, бесы, русалки, языческая богиня Лада, которая повелевает силами природы, колдун, царевна-королевна, королевич Бова, Купава: «Встал в овраге леший старый, / Оживают кочки, пни... / Вон с очей его огни / Сыплются по яру» [Там же, с. 69], «Задремал в осоке леший – / старичок преклонный» [Там же, с. 73], «По селу идет колдун в онучах, / в онучах – в серых тучах» [Там же, с. 69], «Выезжает на коне / Из грозовых туч Бова» [Там же, с. 76], «Вышла Лада на крылечко, / Уронила перстенок» [Там же, с. 84] и т. д. Сказочность буквально пронизывает образную систему поэта: «Прыгают зайчики босеньки, / Бьют в барабанчики лапками» [Там же, с. 65]. Характерны названия его ранних стихов: «Леший», «Купава», «Жар-птица», «Горбунок» и т. д.

Поэт уходит от низкой, грубой и убогой действительности в мир сказок, легенд и поверий. При этом в поэзии Клычкова заключалась подлинно народная, фольклорная стихия, которая выходила далеко за пределы эстетики символизма. Это проявилось прежде всего в том, что он относился к миру с его многообразием, красотой и гармонией как к Божьему чуду. Отсюда медитативность его лирики, молитвенное состояние лирического и ролевого героя: «Бога строгого в печали / О несбыточном молил» [Там же, с. 63], «Помолюсь святой иконе / На соломе чердака» [Там же, с. 63]. Дед косарь «молится на восток» [Там же, с. 95], поселяне «В громкой песне и молитве / Будут славить дедов плуг», зима «скоро Богу помоляся, собиралась восвояси» [Там же, с. 85] и т. д.

Пантеистическое восприятие природы у него сочеталось с православным мироощущением, простота языка с фольклорной символикой, песенная организация стиха с разнообразием ритмики, метрики и архитектоники строфы. Поэт широко использует постоянные эпитеты: *каленный меч, синее море, белая рука, сырая земля, черный ворон, алая лента, платок шелковый, темный лес, чисто поле* и т. д.; лексику народной песни: *колечко, жемчуга, янтари*. И тут же возникают образы, связанные с религиозной христианской традицией: Пречистый Спас, церковь как храм Господень, звон колоколов, церковный пруд, иконы: «И висит иконой / Месяц над полями», «У горних, у горних селений / Стоят голубые сады».

Цветущий сад символизирует счастливую радостную жизнь, любовь, рай, увядший – несчастье, печаль, горе, неразделенную любовь, а может быть, и смерть: «Кто на свете счастлив? Счастлив, верно, я. / В темный сад выходит горница моя!» [Там же, с. 66], «Пойте, птахи, около сада потаенного» [Там же, с. 68], «...Пели в тихом саде / Парень с молодницей» [Там же], «Печаль, печаль в моём саду» [Там же, с. 63].

В детстве поэт был подвержен лунатизму, и ощущение связи лирического героя с космосом буквально пронизывает его стихи. В произведениях С. Клычкова незримо присутствует космический масштаб бытия. Размышляя о художественном космизме Н. Тряпкина и Ю. Кузнецова, С.Ю. Николаева констатирует: «Высшая цель эволюции – полное преображение человека, у религиозных космистов это достижение Царства Божьего» [4, с. 71]. Эту характеристику можно с полным правом отнести и к Сергею Клычкову.

За всем, что происходит в земной жизни, как бы наблюдают звезды: «Звезды клонятся в тумане...» [1, с. 96], «Звезды падают мельком» [Там же, с. 97]. Свидетели всего происходящего – луна или месяц: «Месяц клонится щербатый / В васильки сырой межи...» [Там же, с. 97], «Низок месяц круторогий» [Там же, с. 100], «Ходит

месяц, за собою / Водит облака гурьбой» [Там же, с. 101], «Месяц острыми рогами / Звезды по небу катит» [Там же, с. 104]., «Взойдет луна и словно что-то ищет / И падает сверху золото и синь» [Там же, с. 163]. Радует сердца сельчан солнце: «И играет солнце в груди / Обмолоченных снопов» [Там же, с. 98], «В тишине уходит солнце / По крутому бугорку» [Там же, с. 103]. Небесные силы участвуют в трудовой деятельности крестьянина, в быту, в личной жизни: «Луг в туманы нарядился, / В небе месяц родился / И серпом лег у межи, – / Над серпом горят зарницы, / Зорят жито и пшеницу, / Бьются крыльями во ржи!» [Там же, с. 96].

А это крестьянская изба: «Дремлет месяц на оконце, / Под князьком сияет солнце, / Облака вися, как пух, / Звезды с матицы пылают, / А по терему гуляет / Золотой певун – петух» [Там же, с. 106]. Небо живет той же жизнью, что и трудовая жизнь мужика, космические образы в метафоре сопрягаются с земными: «Воз тяжелых облаков / Стянут молнией с боков» [Там же, с. 102], «Вихрем конь летит, коль съест / Меру зерен – зорных звезд» [Там же, с. 103]. В одном развернутом поэтическом образе подчас сопрягаются все космические стихии. Месяц представляется одетым в кафтан с серебряной каймой: «– А кафтан кроили ветры / Из высоких облаков, / Шили молнии на туче / Золоченою иглой» [Там же, с. 105]. В основе космизма Клычкова лежат традиционное народное представление о единстве человека и природы и народное христианство с восприятием Божьего мира как единого целого. Вот почему Клычков часто переносит церковный обряд из храма в лес, в поле, в травный мир. Поклоняясь природе, он поклоняется её творцу: «Но вставши утром спозаранья, / Так хорошо склониться ниц / Пред ликом вечного сиянья, / Пред хором бессловесных птиц» [Там же, с. 178]. Все это отличало его лирику от поэзии символистов, ее тончайшего психологизма, рафинированности, ярко выраженной философичности.

С точки зрения Клычкова, образ в поэзии должен рождаться естественно. Поэтический текст наполняется образами, как космос звездами. Их не надо изобретать или конструировать. Они существуют изначально, как звезды, которые надо открывать. Это не исключало мифологичности и символичности в его стихах, сочетания фантастики и реальности. Вот почему Сергей Клычков, отстаивая свою эстетическую позицию в статье «Лысая гора», резко критиковал Пастернака и имажинистов, Асеева, Хлебникова и Маяковского. Он воспринимал формальные изыски как шабаш на Лысой горе. Своё творческое кредо поэт выразил в стихотворении «Должно быть, я калека...»: «Я с даром ясной речи, / И чту я наш язык, / А не блею овечий / И не коровий мык!» [Там же, с. 211].

Для него важны искренность и сердечность поэтического слова, когда «легко ложится в строку раскрытая душа» [Там же, с. 215]. Он стремится «перелить в тугую строку страх и боль» своей души [Там же, с. 219].

Главным героем, «человеком вселенной» для Клычкова был крестьянин. Ему посвящено все его творчество. По словам критика, «крестьянин в поэзии и прозе Клычкова – Божий избранник» [6, с. 24]. Он его опозитизировал, но он его и упрекал в том, что тот допустил гибель исконной Руси. Именно с этим связаны особенности неоромантизма в поэзии Сергея Клычкова.

Свою творческую родословную Клычков вел от «речистой матки», мудрого в своем косноязычии отца, от бабушки Авдотьи и Чертухинского леса, что сближало его творчество с неоромантизмом новокрестьянских поэтов. Он прошел тот же путь, что и Николай Клюев, Сергей Есенин, Пимен Карпов, Александр Ширяевец,

Алексей Ганин, Петр Орешин, Павел Радимов, Павел Васильев, от идеализации прошлого и прославления крестьянского рая к идеям светлого будущего, которое он видел в христианском социализме, к полному неприятию революции, в основе которой лежали идеи братоубийства и богоборчества. Он не мог принять политику большевиков в отношении крестьянства, да и России в целом.

На мировоззрение Клычкова значительное влияние оказала вера старообрядцев. На каком-то этапе революционная борьба с самодержавием совпадала с чаяниями староверов, которые были, по сути, изгоями общества. В результате революции 1905 года была провозглашена свобода вероисповедания, и староверы были уравнены в правах со всеми гражданами страны. Сближали старообрядцев и революционеров идея непокорности власти, пламенные заветы Аввакума о духовном сопротивлении официальным доктринам. Родители Ключева помнили и чтители не только Аввакума, но и скопца Кондратия Селиванова. В то же время они были людьми воцерковленными. Яростная атеистическая пропаганда послереволюционного времени не могла не вызвать отторжения у поэта, а старообрядческие корни не позволили ему молчать и приспособливаться к новой власти. Его романтические идеалы прямо противоположны революционному романтизму 20-х годов.

С. Клычков не принимает сердцем плоды цивилизации, разрушающей гармоничный мир природы. С его точки зрения, «таёжную сторонку сковали рельсы, точно кандалы», а «от искр из паровозной топки с конца в конец прошел большой пожар» [1 с. 162].

Теперь столбы шагают из болота,
Неся в руках стальные провода.
И в ноги им спадает позолота,
Плывет с реки осенняя слюда...
...Совсем в сторонке лес стоит, как нищий,
Гнусаво тянет про себя аминь! [Там же, с. 163].

В его поэзии появляются эсхатологические мотивы. В стихотворении «Луна» поэт прямо пишет о приближающемся конце света: «Из жизни в смерть земля-старуха / Несет свой заревой венец», «И впереди не будет праху, / А позади лишь прах и пыль» [Там же, с. 167]. «И хляби ринулись из тверди, / И мир взметнулся на дыбы... / Удержатся ль на крыше жерди / Старухи-матери избы?» – продолжает эту мысль он в стихотворении «Я не видал давно Дубравны...» [Там же, с. 241]. Лирический герой теряет ориентиры: «Кто враг? Где друг? В чем жизнь и что судьба?» [Там же, с. 173], «Слова жестоки, мысли зыбки, / И призрачны узоры снов» [Там же, с. 182]. В новом мире «нет ни крыл заоблачных, ни звезд», луна становится «лукавой» [Там же], а то и вообще «лежит покойницей» [Там же, с. 185]. Возникают мотивы безумия и одиночества: «Безумный год сороковой / Встречаешь одинокий» [Там же, с. 179].

Под влиянием впечатлений от новой, послереволюционной действительности, безбожной и бездуховной в своей основе, у Клычкова возникает образ бесов, которые властвуют в мире, и вновь мысль о сопротивлении:

Не мечтай о светлом чуде:
Воскресения не будет!
Ночь пришла, погаснул свет...
Только в поле из-за леса
За белесой серой мглой
То ли люди, то ли бесы
На земле и над землей...

Разве ты не слышишь воя:
 Слава Богу, что нас двое!
 В этот темный, страшный час,
 Слава Богу: двое нас!
 Слава Богу, слава Богу,
 Двое, двое нас с тобой.
 Я – с дубиной у порога,
 Ты – с лампадой голубой! [Там же, с. 248].

Ставя себя в один ряд со строителями нового мира, поэт заявляет: «Пускай земные брони-горы / Мы плавим в огненной печи – / Но миру мы куём запоры, / А нам нужны ключи!» [Там же, с. 218] – и вновь повторяет мысль о безбожии эпохи: «Наш путь – железная дорога, / И нет ни троп уж, ни дорог, / Где человек бы встретил Бога / И человека – Бог» [Там же, с. 218]. Клычков противопоставлял мечту о сытом рае социализма, в которой разуверился, реальному благосостоянию, созданному своим трудом, потом и кровью русского мужика-хозяина: «Пирог, опреснухи да пышки! / Подставляй, поворачивай рот! / Нет, не годен к такой шаромыжке, / Непривычен наш русский народ!» [Там же, с. 218].

Конечно, он понимал всю опасность такой общественной и творческой позиции. «Брови черной тучи хмурия, / Ветер бьет, как плеть... / Где же тут в такую бурю / Уцелеть», – признавался он с горечью и тревогой. И тут же подчеркивал, что помогает ему выстоять вера [Там же, с. 216]. В его поэзии все чаще появляется тема смерти, ухода, прощания («Уставши от дневных хлопот...», «Я устал от хулы и коварства...», «Мне не уйти из круга...», цикл «Заклятие смерти»). Ему до слез жалко уходящую в прошлое традиционную крестьянскую Русь. В стихотворении «Монастырскими крестами ярко золотеет даль...» тема родного края сплетается с темой погоста, в оклике журавлином слышится предупреждение: «Берегись», – а «заря крылом разбитым, / Осыпая перья вниз, / Бьётся по могильным плитам, / Да по крышам изб». У лирического героя остается только одна надежда – на помощь высших сил: «И разбитою рукою / Я крещусь, крещусь» [Там же, с. 164]. Сергей Клычков не принимает реальную действительность и, в духе романтизма, либо её пересоздает, либо от неё отказывается.

Список литературы

1. Клычков С. А. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. М. : Эллис Лак, 2000. 542 с.
2. Николаева С. Ю. Балладное и притчевое начала в рассказе А. П. Чехова «Ведьма» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 67–74.
3. Николаева С. Ю. Концепт «степь» в коммуникативном пространстве поэзии П. Н. Васильева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 1. С. 127–138.
4. Николаева С. Ю. Художественная философия Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 5. С. 71–81.
5. Редькин В. А., Николаева С. Ю. Традиции А. А. Блока в поэзии Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 68–77.
6. Солнцева Н. Сорочье царство Сергея Клычкова // Клычков С. А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Эллис Лак, 2000. С. 1–24.

ARTISTIC WORLD OF THE POETRY BY S. A. KLYCHKOV

V.A. Redkin

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The artistic world of S.A. Klychkov is considered from the point of view of interaction of realistic and romantic types of creativity in axiological, ontological and socio-cultural aspects; the influence of folklore on Klychkov's poetry is shown. The national principle is recognized as the dominant of the poet's artistic world, its connection with the Orthodox axiology is revealed.

Keywords: *S. Klychkov, Russian poetry of the XX century, tradition, national character, axiology, myth-making, the Orthodoxy.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foivid-red@rambler.ru.

About the author:

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foivid-red@rambler.ru.